Въ своей книгѣ «Что такое искусство?» Толстой выразилъ взглядъ, что теперешняя поэзія, музыка и живопись представляютъ изъ себя нѣчто выродившееся, нѣчто такое, что могло развиться лишь въ удушливой атмосферѣ. Онъ пришелъ къ такому взгляду еще въ Яснополянской школѣ. Дѣтямъ надоѣдали лучшіе стихи, но они наслаждались народными пѣснями, и Толстому казалось, что именно въ этихъ-то пѣсняхъ и заключалось настоящее искусство. Поэтому, естественно, его не удовлетворяло его обученіе дѣтей музыкѣ и рисованію; ему казалось, что ему слѣдовало бы быть ученикомъ, а имъ учителями. Онъ видѣлъ, что мальчики лучше пѣли прежде, сами по себѣ, чѣмъ послѣ уроковъ пѣнія.

Въ рисованіи онъ стремился предоставлять ученикамъ возможно бо̀льшую свободу; онъ былъ убѣжденъ, что, заставляя ихъ копировать и подражать въ школѣ, онъ сдѣлалъ бы ихъ способными лишь копировать и подражать въ теченіе всей жизни. Онъ оберегалъ ихъ вкусъ отъ вліянія испорченнаго вкуса учителя; онъ настаивалъ, что ребенокъ имѣетъ такое же право, какъ и учитель, отдавать предпочтеніе собственному вкусу.

Не надо думать, что Толстой составилъ свои мнѣнія о воспитаніи безъ предварительнаго изученія всѣхъ методовъ преподаванія, практиковавшихся въ Европѣ. Онъ посѣтилъ школы въ Германіи, Франціи и Швейцаріи и разспрашивалъ учителей и учениковъ обо всемъ, что только можно было узнать отъ нихъ. Онъ особенно изучалъ школы въ Марсели (кажется, въ началѣ 60-хъ годовъ) и былъ пораженъ ихъ малой пригодностью. Между тѣмъ онъ видѣлъ, что жители этого города были очень понятливы, умны и вѣжливы. Какъ было объяснить этотъ фактъ? А вотъ объясненіе. Они получали образованіе внѣ школы,—на улицахъ, въ кафэ, театрахъ, мастерскихъ, музеяхъ и читая такія книги, какъ романы Дюма. Эта-то безсознательная школа, по мнѣнію Толстого, подкапывалась подъ принудительную школу и сдѣлала со-